

240

ЖК 6240

1973 № 5

Волна

5

1973

Волга

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И САРАТОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ
ВОСЬМОЙ

91056

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

5

1973

му и строгому закону нашего бытия «В день пока нам еще неизвестный, мы уходим по камню дорог, уступая грядущему месту», то что может дать мужество перед лицом этой суровой неизбежности? Б. Сангаджиева отвечает на этот главный вопрос бытия в стихотворении «Счастье»: «счастливы только

тот, чью работу люди не забыли», чей труд сохранит и преумножит красоту земли, завещанную людям. И свое предназначение, предназначение поэта, видит в том же, чтобы песня ее всегда «сопутствовала людям».

Е. ДРЕМОВ

«С своей эпохой вровень...»

На окраине затерянной в смоленских лесах деревушки Баранцево похоронен политрук пулеметной роты 1106 стрелкового полка студент-выпускник Московского университета Николай Майоров. Он погиб в бою 8 февраля 1942 года. За два года до смерти поэт Майоров пророчески сказал о себе, о своих боевых друзьях, о бессмертии своего поколения:

Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд.
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них живые говорят.

Потомки говорят. Пусть не сразу, не во весь голос заговорили о замечательном поэте, прожившем на свете неполные 23 года. Сейчас многие его стихотворения стали подлинно хрестоматийными. Без них нельзя составить антологию советской поэзии.

Правда, после первых публикаций в «Ивановском альманахе» и в других изданиях конца сороковых — начала пятидесятых годов и даже после появления его сборников столичная критика долгое время не жаловала вниманием стихи вполне сложившегося самобытного поэта незаурядного дарования. А в четвертом томе «Краткой литературной энциклопедии» Н. Майорову уделен лишь крохотный столбик из тринадцати строк. Но слава, как известно, не всегда вовремя успевает венчать своим венком достойных. К тому же лишь недавно друзьями Майорова и исследователями его творчества буквально по крупицам бережно собраны стихи, не печатавшиеся при жизни поэта, разбросанные по страницам частных писем, рукописных журналов, хранившиеся у родных рядом с «похоронкой». Тут особенно велики заслуги друга и одноклассника Н. Майорова поэта В. Жукова, старшего товарища Майорова студенческих лет В. Болховитинова — нынешнего редактора журнала «Наука и жизнь», подруги поэта И. Пташниковой.

В прошлом году почти одновременно в Москве был издан наиболее полный сборник стихов «Мы»¹, а в Ярославле вышла в

свет первая значительная работа о жизни и творчестве Николая Майорова¹. Впервые читатель может получить достаточное представление не только о стихах, но и о яркой личности их автора, удивительно гармонирующей с его поэзией.

Жизнь Майорова похожа на жизнь миллионов молодых людей, воспитанных Советской властью, поднявшихся на защиту своего отечества в сорок первом.

Родился и вырос он в семье крестьянина-бедняка, ставшего затем плотником в Иваново. В этом городе-труженике прошло детство поэта, здесь рано, как у большинства очень одаренных поэтов, проявились его литературные способности. Добрую память о родных и земляках, об их тяжелых натруженных ладонях поэт сохранил на всю жизнь:

Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

Блестяще окончив среднюю школу, очень собранный, энергичный и работоспособный юноша, далекий от ранней мечты о литературной славе, поступил учиться на исторический факультет МГУ. Он обнаружил незаурядные возможности не только поэта, но и серьезного ученого-исследователя. Здесь, в многотиражке «Московский университет», были опубликованы первые его стихи. Других публикаций при жизни увидеть ему не довелось. По странному решению тогдашнего ректора МГУ был рассыпан набор студенческого поэтического сборника, уже подготовленного к печати, где было немало стихов Н. Майорова. Но он и не торопился, не гнался за признанием и славой, несмотря на добрые отзывы друзей и старших наставников. Серьезные занятия в университете Майоров сочетает с учебой в Литературном институте. И находит время для постоянной работы над стихами. Он много писал, очень много читал, знал наизусть поэтов самых разных —

¹ Н. Майоров. Мы. «Молодая гвардия», М., 1972.

¹ Б. Куликов. Николай Майоров. Верхне-Волжское книжное издательство, Ярославль, 1972.

Блока и Маяковского, Есенина и Багрицкого...

Б. Куликов в своей работе впервые обращается к стихам поэта первых студенческих лет. Он справедливо видит некоторое влияние Есенина и Бунина при изображении родной русской природы, определенное воздействие П. Антокольского в стихах, несколько перегруженных книжной «экзотикой». Что ж, без хороших учителей вряд ли удавалось когда-либо расти поэту... Но вместе с тем гражданская и писательская зрелость пришли к Майорову уже в последние предвоенные годы. И сама жизнь того времени — нередко суровая и тревожная — была лучшим учителем поэта. Б. Куликов в связи с этим приводит отрывок из интересных воспоминаний В. Жукова, встречавшегося с Майоровым летом 1938 года во время студенческих каникул: «В наших местах (а жили мы на окраине Иванова) разбился самолет... В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей мальчишеской жизни братской могилы друзья-летчики возложили срезанные ударом о землю винты самолета. А вечером Коля читал стихи, которые заканчивались строфой:

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память ими взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы».

В эти годы все ясней и ясней очерчивается главная тема творчества Майорова — тема жизни, побеждающей смерть, тема мужества и бесстрашия, беспредельной преданности долгу советского человека.

В наши дни стало широко известным стихотворение Николая Майорова «Мы», вынесенное в заглавие его последнего сборника. Без малейшего преувеличения можно сказать, что никто из поэтов с такой полнотой и силой не воплотил в стихах обобщенный образ молодого поколения нашей страны предвоенных лет, как Майоров в этом стихотворении. В нем — страстная жажда созидания, нетерпеливое стремление к новым, совершенным и чистым формам жизни, максимализм требований к себе и товарищам, умение подчинить свои чувства долгу во имя высших интересов. В нем словно отлит в бронзе облик героев первых пятилеток, строителей Днепрогэса и Комсомольска-на-Амуре, героев Испании, Халкин-Гола и финской войны:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, недолюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла,
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах
устных

Да в серой прозе наших дневников.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы...
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

И это написано двадцатилетним человеком, который фактически делал лишь первые шаги в литературе...

Суровая самоотреченность, верность долгу вовсе не равнозначны монашескому аскетизму. Как и все молодые поэты, Майоров много писал о любви, и в этой теме оставаясь верным себе. Его любовная лирика отличается энергией и мужественностью, в ней бьется пульс честного и сильного человека, далекого от сентиментальных вздохов, остро ощущающего ритм земной жизни, ее радости и печали. Словами суровыми, подчас резкими для такого рода поэзии поэт славит силу большой и мучительной порою страсти, облагораживающей человека, ведущей его на большие дела:

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом,
И все ж любить ее такую!..

Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал,
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не досягал,—
Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

Эти стихи не спутаешь ни с какими другими. В них чисто майоровская интонация — строгая чистота, «обнаженность» слова, кипение ритма, который как бы рвется под внешней броней суровости, подчеркнутой сдержанности каждой строки. И тут вновь — в самом широком смысле этого слова — обобщенный образ души и сердца молодого человека советской эпохи, концентрация его лучших моральных качеств.

Любовь для поэта — могучий источник творческого вдохновения. Без любви не может быть и искусства. Молодой поэт много размышляет о его природе и глубинной сущности. При этом, как справедливо отмечает Б. Куликов, «конкретность, образность мышления, когда поэт использует ее для выражения самых абстрактных и высоких понятий, придает отвлеченным понятиям зримость, осязаемость и делает их более близ-

кими, волнующими». Особенно показатель-но в этом отношении прекрасное стихотворение «Творчество», написанное как вступление к несохранившейся поэме:

Есть жажда творчества,
Уменье созидать.
На камни камень класть.
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брат в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот мир и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну,—
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

Поражает точность и — не будем бояться этого слова — мудрость в отборе слов и образов. Какого большого поэта отняла у Советской России война!

...В самое тяжелое для Родины время, 18 октября 1941 года, Николай Майоров добровольцем ушел на фронт. Через три с лишним месяца его не стало.

О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: — Будь прямой.
Возьми шинель — покроешь плечи,
Когда мороз неведомогу.
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.

Бессмертье без лавровых венков и почетных наград. Бессмертье в суровой солдатской могиле, наспех выдолбленной в неласковой промерзшей земле на Смоленщине...

В небольшой по объему (три печатных листа) книжке Б. Куликова представлено много разысканных автором и впервые введенных в научный оборот стихотворений Николая Майорова, его писем, свидетельств современников. Книга написана живо, страстно, с горячей заинтересованностью в судьбе небольшого, но яркого наследия так щедро одаренного поэта-патриота. Одно замечание: с удивительной дотошностью Б. Куликов разыскивает в стихах Николая Майорова следы влияний самых различных, порой взаимоисключающих: Б. Пастернака, П. Антокольского, Э. Багрицкого, П. Васильева, даже А. Довженко и многих других. Что ж, иной раз определенное воздействие поэтики признанных мастеров стиха действительно есть. Особенно заметно, пожалуй, некоторое влияние поэзии Багрицкого с ее напористостью и энергией стиха, буйством «земной плоти», склонностью к романтическому контрасту образов. Но вряд ли плодотворны поиски переклички Н. Майорова

с Б. Пастернаком. Гражданский пафос стихов молодого поэта очень уж далек от сложнейших, уводящих в сторону от кипения реальной жизни ассоциаций весьма одаренного, но глубоко противоречивого художника, у которого, по словам А. М. Горького, «хаос мира одолевает силу творчества и отражается в нем именно только как хаос, дисгармонично».

А если уж говорить об истоках и влияниях, то более интересной кажется нам другая мысль автора книги, не получившая, к сожалению, должного развития.

Прочитывая отрывок из поэмы «Семья»:

На нем огромная рубашка
(Носил ее он с Покрова)
Пылала кровью, словно плаха,
С которой пала голова.

И пот стекал по переносью
(Густая мутная вода)
Туда, где рыжая, как осень,
На грудь спадала борода,—

Б. Куликов замечает: «Старик как будто сошел с крамольных древних икон русских мастеров. А его алая рубашка напоминает самых дерзких иконописцев, которые святые иконы толковали по-своему и бога писали как человека, а человека — как бога». Верно сказано! И разве нет прямого влияния щедрой, яркой и буйной жизнеутверждающей палитры Палеха с ее чистыми красками на поэтику Николая Майорова, выросшего в Иванове рядом с прославленным центром русской народной живописи, которая была ему хорошо знакома?

И наконец, не пора ли сказать об особой школе ивановских поэтов, сложившейся уже в предвоенные годы. В самом деле, еще в 1919 году А. В. Луначарский пророчески назвал хмурый, разбросанный на бедных песчаных косогорах трудовой город ткачей Иваново-Вознесенск «поэтическими Афинами». И ведь вовсе не случайно через два года В. И. Ленина заинтересовал «к р у ж о к н а с т о я щ и х пролетарских поэтов»¹ Иваново-Вознесенска.

Даже если говорить о творчестве поэтов одного лишь поколения предвоенных лет, начинавших свой путь в Иванове — М. Дудине, А. Лебедеве, Н. Майорове, В. Жукове, — то, при всем своеобразии творческого почерка каждого из них, нетрудно увидеть и нечто общее — резко выраженную гражданственность, чувство личной ответственности за судьбу своей Родины, рано пришедшую политическую и творческую зрелость, глубокий интерес и бережное отношение к лучшим традициям русской национальной культуры, русского стиха, безразличие к внешне эффектным поэтическим погрешкам — «новациям», какая-то глубокая серьезность, подчеркнута мужская сдержан-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 52, стр. 58.

ность в выражении своих чувств, волевой напор стиха. Но это, видимо, тема особого разговора.

Вернемся же к книге Б. Куликова. Главное — она не оставляет читателя равнодушным; даже вызывая желание кое с чем поспорить, с чем-то не согласиться, она дает яркое и цельное представление о беззреломно погибшем талантливом поэте.

После неоправданно долгого молчания критика как-то враз заговорила о Николае Майорове. Появились серьезные статьи

П. Куприяновского, интересные воспоминания С. Наровчатова, а вслед за ними — первая небольшая, но хорошая, в целом, книга молодого исследователя о Николае Майорове. Новым, наконец-то массовым изданием вышел в свет и наиболее полный сборник его стихов.

Никто не забыт, ничто не забыто. Пришла к читателю и поэзия Николая Майорова.

В. РУЖИНА

У Пушкина в Михайловском

Книга С. С. Гейченко¹ — директора Пушкинского заповедника в Пушкинских горах — развивает характерный для последних лет жанр лирических очерков-новелл. В ней можно отметить и литературоведческие очерки, и стихотворения в прозе, и заметки мемуарного плана.

На карте нашей литературы открывается чудесный край — уголок Псковской земли. «У Пушкина в Михайловском, — пишет автор, — полным-полно всякой пернатой живности. Аисты, цапли, дрозды, клесты, синицы, дятлы разные, иволги — одним счетом, все сорок-сороков русских птиц. А скворцам и счету нет. Их, почитай, с тысячу будет».

Музей оказывается родным домом. И заповедные экспонаты не уводят нас в прошлое, наоборот, из далекого прошлого они приводят к нам живого Пушкина.

И вот мы уже не в музее, не в заповеднике. Мы встречаемся с людьми далеких времен так просто, как будто они никуда и не уходили. Вот наивный и трогательный Иван Лапин, верный поклонник Пушкина в провинциальной глуши. Вот дядька поэта Никита Тимофеевич Козлов, который «наблюдал за Пушкиным, как за ребенком. Гордился его славой, гремевшей по всему государству...» Характерная черта — и человек встает перед нами как сегодняшний собеседник. Но сколько за этим авторских разысканий, подкрепляющих повествование историко-архивным материалом, искусно вкрапленным в текст книги. Свободно оперируя фактами, Гейченко не просто выводит из небытия забытое или открывает вовсе неизвестное, он делает их фактами литературными, от информации идет к очерку, от очерка — к новелле, новеллу уводя вновь в романтическую легенду. Не забыть, прочитав, рассказ Гейченко о посещении Святогорского монастыря Петром Негошем, светским и духовным правителем Черного-

рии и вместе с тем знаменитым поэтом, любимцем своего народа. Как четко выписан этот характер! Как по-новому, в исторической конкретности раскрывается та известная нам истина, что Пушкин дорог людям всей земли. В очерке о Негоше удачно сочетаются факт и домысел, значительность содержания и лаконизм изложения.

«Деревня — вот мой кабинет», — приводит Гейченко слова Пушкина. И старается показать замечательный процесс открытия великим поэтом жизни народа. «Он пришел к простым людям, и они пришли к нему. Он полюбил их, и они полюбили его. Перед ним раскрылся мир неизведанного, мир народного творчества... Все это пришло к нему здесь, в Михайловском».

Самое замечательное то, что единение народа и поэта не исчезло с его гибелью. Наоборот. На праздновании первого послевоенного пушкинского праздника один из выступавших, разволновавшись, забыл цитируемые им стихи. «И, — рассказывает Гейченко, — вдруг встал один из участников праздника, какой-то высокий бородатый дед, и, чеканя пушкинский ямб, стал громко читать то, что никак не мог вспомнить профессор». Он оказался жителем соседней деревни, работающим в колхозе имени Александра Сергеевича с момента его основания в 1929 году. Потомки псковских крестьян, которым посчастливилось видеть Пушкина, не уступят им в силе любви к нему.

Так сама жизнь сплетает эпизоды далекого и недавнего прошлого в единую панораму книги. Мы стоим на Михайловском холме над Соростью, а наш экскурсовод говорит уже о событиях Великой Отечественной войны. Уходя, фашисты, как известно, взорвали заповедник. В ограде Святогорского монастыря нашли мину уже в 1953 году. Неразорвавшийся снаряд притаился под кленом у домика няни. Пушкинской земле возвращали ее добрый облик заботливые ласковые руки наших людей. Руки Алек-

¹ С. С. Гейченко. У Лукоморья. Лениздат, 1971.

